

ЕЛЕНА ЭХОВА

Елена Эхова

Тени терема

<https://litres.ru/74402889>

SelfPub; 2026

Аннотация

От деревенской избы до княжеских покоев, и на каждом шаге шёпот: Ведьма. Синеока не просила быть щитом рода, но теперь только её дар может удержать княжество от падения. Видун уже тянет власть к себе, силы князя тают день ото дня. У неё нет права на ошибку. Вместе с Мстиславом они должны успеть разорвать заговор, пока не стало слишком поздно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тени терема

Глава 1

Солнце клонилось к горизонту, багровым краем цепляясь за кромку леса. Князь пал без чувств прямо во дворе терема пред глазами людей, и ни травы, ни притирания не помогали ему. Земля будто застыла на миг, прислушиваясь: не раздается ли снова его твёрдый голос.

В княжеских покоях сгущался полумрак. Тяжёлый дух горьких трав висел в воздухе, пытался заглушить саму болезнь. Терем затаил дыхание, и даже ветер не смел ворваться в приоткрытое окно. У дверей застыли стражники с лицами каменными, не пускавшие никого внутрь.

Внутри, у ложа, сутулился седой лекарь. Руки его дрожали, и дрожь выдавала то, чего он не решался молвить вслух. То и дело проводил он ладонью по лицу, стирая не усталость, а собственное бессилие.

— Жар есть, а пота нет, — бормотал он, склоняясь над князем, ощупывая его пальцы, холодные и твёрдые, будто из воска отлитые. — Сердце бьётся, да не в лад. Дыхание ровное, слабое... Силы уходят, как вода сквозь решето. Не знаю я такой хвори. Не встречал.

Князь лежал неподвижно, и только веки чуть подрагивали, точно силился он вырваться из тяжкого сна, но неведомо-

мая сила держала его в плену. Лицо его было бледно, а на висках проступали синие жилы.

В коридоре за тяжёлыми дубовыми дверями понемногу собирались бояре. Голоса их звучали приглушённо, но в каждом слове сквозил колющий страх.

— Это поветрие, мор, ведьмой насланный, — шептал боярин с седой бородой, опасливо оглядываясь, ибо стены могли подслушать. — Князь велел привезти ведьм на суд, вот и поплатился...

— Кара богов светлых, — вторил ему другой, теребя край пояса так, что ткань грозила расползтись. — Забыли старые обычаи, перестали ходить в моленные избы, вот и пришло возмездие.

— Молчите! — рявкнул третий, стукнув кулаком по стене, и тут же опасливо оглянулся. — Не время языки распускать. Словами беду не отгонишь.

Напряжение висело в воздухе гуще ладана, сжимало терем, заставляло каждого говорить тише, двигаться осторожнее. Бояре косились друг на друга, выискивая в чужих взглядах вину или страх, и каждый втайне боялся, что завтра хворь коснётся кого-то из них.

А за стенами терема уже шептались, передавая страшную весть из уст в уста. Простые люди затворяли ставни, шептали заговоры от лиха, мора и всякой хвори, что ходит не по ветру, а по воле тьмы.

Приёмная палата тонула в тусклом свете. Восковые свечи чадили, роняя тяжёлые капли, а тени метались по бревенчатым стенам, точно пытались вырваться наружу и разнести весть дальше. В полукруге у возвышения застыли бояре с лицами, скованными тревогой и многолетней привычкой держать спину прямо даже перед лицом гибели. Воздух был густ от запаха воска и едва уловимой горечи полыни, рассыпанной по углам. Клади её от нечисти и сил тёмных, ныне казалась она жалкой защитой.

В центре, не склоняясь ни перед кем, стоял видун. Высокий, прямой, в одеянии тёмном.

— Болезнь князя — не случайность, — молвил он. — Не мор, не поветрие и не гнев светлых богов. Это дело рук ведьмы Синеоки. Она наложила на него оковы тьмы, тянет теперь жизнь из князя, капля за каплей. Не успокоится она, пока не погаснет огонь жизни князя.

Прокатился по палате сдержанный вздох. Кто-то из младших бояр отступил на шаг, опасаясь, что слова могли обжечь или беду принести.

Шагнул вперёд старый боярин Горислав. Седой, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Была в его глазах упрямая, тяжёлая решимость, выкованная годами службы и потерь.

— Уверенно ты говоришь, ведун, — молвил он. — Но слово твоё — не закон. Прежде чем клеймить ведьмой опаль-

ную княжну, надобно спросить совета у жрецов светлых богов. Пусть они воззовут к заступничеству, пусть скажут, чья рука наложила эту хворь.

Не дрогнул видун. Склонил он чуть голову, прислушиваясь к чему-то далёкому и зловещему, что слышали только его уши, а потом медленно поднял глаза на Горислава.

— Жрецы будут взывать к богам, а князь тем временем испустит последний вздох, — холодно ответил он. — А мы должны действовать. Княжеская воля, даже безмолвная, требует защиты. И я знаю, как эту защиту поставить. Ибо я — видун, я вижу тропы и дороги перед собой, а вы слепы.

— Княжеской воли мы не слышали, — упрямо возразил Горислав. — Слышим только твои слова. А слова, как дым, развеются, да беды наделают.

Вокруг зашевелились, зашептались.

Видун шагнул вперёд. Не спеша, но так, что все невольно отступили.

— Князь не может говорить, но его власть не умерла. И пока он дышит, я действую от его имени. Слушайте приказ: удвоить стражу у покоев княжеских. Никого не пускать внутрь. Ни родичей, ни ближних советников, ни княжича. Пусть никто не приблизится к ложу, пока не снимем мы эту тьму. Оставьте подле князя одного лекаря. И только его.

Бояре замерли. Слышно стало в тишине той, как потрескивает фитиль свечи и как где-то в дальних переходах терема скрипит половица. Кто-то хотел возразить, но слова за-

стряли в горле, тяжёлые да бесполезные.

— А если это ошибка? — тихо спросил молодой боярин, едва успевший отрастить бороду. — Если мы не пустим тех, кто мог бы помочь?

Повернулся видун к нему, и взгляд его был холоден.

— Ошибка — позволить любому, кто приблизится, добить князя, пока он лежит без памяти. Мы не можем доверять ни сердцу, ни родству, а только делу.

Горислав стиснул зубы, да не стал спорить вновь. Понимал он, что сейчас не время для долгих речей.

Расходились бояре молча, каждый унося с собой свой страх.

Остался видун стоять посреди зала, знал он, что теперь любое движение в тереме будет происходить только с его ведома, и тишина, опустившаяся на палаты, стала не покоем, а затишьем.

Переходы терема тянулись длинными светлыми коридорами. Сам воздух здесь был иначе, чем за стенами — чище да строже. Резные двери, украшенные птицами и травами, стояли чуть приоткрытыми, и из горниц доносились приглушённые голоса, звяканье посуды, ровный шаг слуг.

Мстислав вёл Синеоку неспешно, но без лишней медлительности. Он был бледен, в движениях его сквозила слабость, что осталась после недуга тяжкого.

— Здесь пост стражи, — молвил он, кивая на двух воинов.

Те коротко склонили головы, но взгляды их задержались на Синеоке. Один смотрел с любопытством, другой — с открытой неприязнью.

Синеока холодно посмотрела на воинов, стараясь не выдать, как колотится сердце. Держала она взгляд ровно, точно говорила без слов.

— Не жди, что все рады будут, — сказал Мстислав, точно прочитав её мысли. Не стал он оправдывать стражников, не стал и осуждать их. — Не всем здесь рады. Доверие здесь зарабатывают, а не дарят. День за днём.

Остановился княжич у большой светлой горницы. Из окон лился золотистый свет, ложился квадратами на пол.

— Это гридница княжеская, — пояснил он. — Тут решают, что будет правдой, а что — слухом. Тут говорят тихо, но слова отсюда летят дальше, чем стрела. Запомни лица тех, кто здесь бывает. И ещё важнее, запомни, чьи слова здесь весят больше.

Провёл он Синеоку дальше, к небольшой комнате, где на стене висела старая карта земель, потёртая по краям, но густо испещрённая пометками. Чёрными чернилами — границы да дороги, красными — места недавних стычек, едва заметными серыми штрихами — тропы, которых нет в летописях.

Мстислав коснулся пальцем дальних рубежей, туда, где лес смыкался с болотами.

Синеока подошла ближе, вглядываясь в мелкие значки,

пытаясь удержать в памяти этот узор из дорог и опасностей.

— Ты смотришь на карту так, будто она может заговорить,
— молвил Мстислав с лёгкой усмешкой.

— Она и говорит, — ответила Синеока, не отрывая глаз от тонких линий.

— Тогда слушай внимательно. Здесь каждое слово, каждый взгляд, каждый шаг — тоже часть карты. И если ты научишься их видеть, ты поймёшь, где настоящая опасность.

Мстислав пошёл вперёд, чуть медленнее, чем раньше, и Синеока уловила, как он на мгновение оперся о косяк двери — совсем незаметно, но она заметила.

— А теперь покажу тебе твою горницу, — сказал он возвращая себе привычную роль проводника и защитника. — И где тебе придётся самой решать, кому верить, а кого держать на расстоянии вытянутой руки.

И они пошли дальше, мимо резных дверей, мимо взглядов, которые обжигали и холодили.

Просторная горница встретила Синеоку тихим, ровным светом. Он лился сквозь высокое окно и ложился тёплыми квадратами на лавки. Тишина здесь была нарядной, не простой, а княжеской.

На широкой лавке лежали новые одежды, расшитые шёлком и бисером. Рядом стояла приоткрытая резная шкатулка.

Служанки сновали вокруг, торопливо, но стараясь казаться степенными. Одна подхватывала рукав, показывая, как ложится ткань, другая кивала на бисер, расхваливая щед-

рость княжича.

— Смотри, как тонко сделано, — шептала старшая, чуть склоняясь к Синеоке, точно хотела стать ей почти подругой. — Это не просто наряд, это честь. Сам княжич велел, чтобы ты была одета, как подобает.

— И подвеска с княжеским знаком, — подхватила младшая, доставая её из шкатулки и протягивая вперёд, так что серебряный узор вспыхнул в солнечном луче — Носи — и никто не посмеет взглянуть косо...

Синеока стояла чуть в стороне, не решаясь подойти ближе. Ей чудилось, что стоит коснуться этой тонкой ткани, и прежняя жизнь рассыплется, подобно сухой траве. В деревне красота была в свободе, в грубой льняной рубаше, в ленте, вплетённой в косу, в запахе дыма и мокрой земли после дождя. Там она знала, кто она и где её место.

Синеока подошла к лавке и провела пальцами по краю рукава. Её взгляд лёг на серебряную подвеску с княжеским знаком. Взяла княжна её в руки. Холодным да тяжёлым был металл. Пробирался этот холод сквозь пальцы, говорил о власти и границах.

В голове вспыхнули воспоминания старой жизни, где она ходила босиком по росистой траве, где ветер трепал подол. Здесь каждый наряд, каждая драгоценность были как шаг по узкой тропе, с которой нельзя свернуть.

— Примерь, примерь, — торопливо уговаривала старшая служанка, как будто боялась, что если Синеока не сделает

этого сейчас, то не сделает уже никогда. — Тебе пойдёт, вот увидишь.

Синеока чуть сжала подвеску в ладони, чувствуя, как острые края узора врезаются в кожу, и на миг ей захотелось бросить её обратно в шкатулку, выбежать из горницы, сорвать с себя всё, что пахнет теремом и чужой волей. Но она сдержалась.

— Я... я позже, — тихо сказала княжна. — Сейчас не время.

Служанки переглянулись. Они хотели, чтобы всё устроилось сразу, легко и красиво.

Синеока снова посмотрела на подвеску. И, не выпуская её из руки, она тихо подошла к окну, встала там и посмотрела вдаль, туда, где вдалеке начинался лес.

В дальнем углу горела свеча, её неровный свет метался по стенам. Пламя вздрагивало, отбрасывая на бревенчатые стены танцующие тени.

Служанки давно ушли, торопливо поклонившись и оставив после себя лёгкий шорох подолов.

Дверь тихо скрипнула, и на пороге появился Мстислав. Он зашёл внутрь, закрыв за собой дверь глухим, тяжёлым звуком.

Остановился недалеко от окна, где лучи катящегося по горизонту солнца цеплялись за резные наличники.

— Пока князь болен, любой твой шаг в тереме будет по-

водом для разговоров, — молвил Мстислав. — Стоит тебе выйти из горницы, и люди будут шептаться, что ты навела морок на княжеский род. Стоит тебе заговорить с лекарем и они скажут, что ты подкупаешь его, чтобы скрыть следы ворожбы.

Понимала всё это Синеока. Не ей нужны были объяснения, она чувствовала на себе холодные взгляды слуг и стражников.

— Видун не остановится, — промолвил Мстислав. — Он уже назвал тебя виновной. Для него это не догадка, а оружие. Он будет искать любой повод, чтобы выставить тебя перед боярами как доказательство того, что в тереме гнездится тьма. И если он найдёт хоть тень своей правоты... Тебя свяжут и бросят в темницу до княжеского суда... или до чего похуже.

Синеока сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Ты говоришь это не как обвинитель, — молвила она. — Но и не как защитник.

Мстислав вздохнул.

— Я не могу открыто быть твоим защитником, — признался он. — Если я встану перед всеми и скажу: «Она невиновна», видун тут же обернёт это против меня. Скажет, что я ослеплён, что ты опутала меня мороком, что предаю я княжеский род. И тогда я стану не опорой, а обузой. А может, и мишенью.

На миг в горнице стало тихо. Слышно было, как потрескивает догорая свеча.

— Но я не верю в твою вину, — промолвил Мстислав. — Не верю, что ты наслала эту хворь.

Синеока медленно выдохнула.

Мстислав замолчал, давая ей время обдумать его слова.

— Ты знаешь больше, чем говоришь, — продолжил он. — Тебе покорно создание тьмы, с которым заключил союз наш дед. Ты видишь то, что скрыто от других. А я знаю, как устроен терем. Знаю, кто шепчется за спиной, чьи слова весят больше, где прячутся слабые места в стенах. Вместе мы сможем найти правду.

Синеока опустила взгляд на свои сжатые руки, потом подняла его на Мстислава.

— Если я соглашусь, — тихо промолвила она, взвешивая каждое слово, — то не стану слепо идти туда, куда ты укажешь.

— Этого достаточно, — сказал Мстислав. — Мне не нужна слепая верность. Мне нужна правда. И человек, который не побоится её увидеть.

— Хорошо, — сказала Синеока. — Я помогу искать правду.

В глазах Мстислава мелькнуло облегчение.

Сон не шёл к Синеоке. Он будто чурался её мыслей, кружившихся вокруг неведомой хвори князя, видуна, тяжёлой ноши Мстислава, которую она согласилась разделить с ним.

Глава 2

Думная палата терема дышала тяжестью давних решений. Тяжёлые дубовые лавки стояли вдоль стен, а над ними висели щиты и мечи — молчаливые свидетели битв прежних лет. В воздухе висел запах воска от оплывших свечей. Капли застывали на краях подсвечников, тяжёлые, как слёзы, а тени от неровного пламени метались по брёвнам, цеплялись за резные узоры, хотели вырваться наружу и разнести по терему дурную весть.

Видун вошёл в палату неспешно, но поступь его была твёрдой, точно он с малых лет привык ступать по этим половицам. Не задержался он у порога, не склонил головы перед пустым местом князя, а сразу прошёл к главе стола. И встал там, где по праву и обычаю стоять надлежало лишь князю.

Бояре, уже собравшиеся в полукруге, замерли. Кто-то опустил глаза, кто-то, напротив, поднял взгляд, силясь разглядеть в фигуре видуна знамение. Видун остановился, окинул собравшихся спокойным, почти равнодушным взглядом, и тишина в палате стала гуще прежнего. Пламя свечей притихло, и слышно стало, как потрескивает фитиль.

— Тяжкие настали времена, — молвил видун. — Княжеское сердце бьётся, да не властен князь ныне над делами земными. А земля не терпит пустоты. Там, где слабеет рука власти, поднимается смута. Уже шепчутся на окраинах, уже

смотрят косо на наши рубежи те, кто ждёт, что мы ослабеем. Он замолчал, давая словам улечься.

— Я не радуюсь сей беде, — продолжил он. — Но и лить слёзы ныне не время. Время сейчас держать щит над землями, не дать им рассыпаться. Долгие годы я стоял подле князя, слушал его думы, видел, как он взвешивает каждое слово, как мерит каждый шаг. Знаю я и дороги, по которым ходит удача, и тропы, где прячется беда.

Кивнул кто-то из бояр, соглашаясь. Переглянулись другие, не решаясь ни поддержать, ни возразить. Во взглядах мешались страх пред бурей грядущей и расчёт: при сильном правителе можно будет и себе урвать долю покрупнее.

— Говорю прямо, без обиняков, — продолжал видун, и теперь в его словах звучал приказ, скрытый под личиной совета. — Доколе князь не встанет на ноги, надобно, чтобы кто-то держал бразды правления. Пусть не по крови, но по опыту и верности делу. Я готов принять эту ношу. Не ради славы, не ради почестей, а ради того, чтобы род княжеский не рухнул, чтобы земля не стала добычей чужих мечей.

Слова его легли в тишину камнями тяжёлыми.

Некоторые бояре смотрели на видуна с облегчением: наконец кто-то взял ответственность, можно переложить тяжесть решений на чужие плечи, а самим лишь кивать да получать свою долю. Один из них даже чуть расправил плечи, точно уже чувствовал, как слабеют узды, которыми князь держал его доходы. Другие, постарше, с лицами, изрезанны-

ми морщинами долгих лет службы, переглядывались украдкой. Они помнили, как легко власть, данная на время, становится вечной, как тихий советник однажды просыпается полноправным хозяином. Но возражать никто не решался. Страх перед смутой был сильнее осторожности, а страх перед самим видуном — сильнее страха перед грядущим.

С каждым словом видуна в палате становилось темнее. Тени на стенах вытягивались, тянулись к нему, а запах воска вдруг стал горчить, как предвестник беды.

— Не прошу я благословения, — молвил ведун, отвечая на невысказанные сомнения. — Прошу лишь дозволения действовать. Пока князь безмолвен, я буду говорить его голосом. Пока он слаб, я стану его рукой. И горе тому, кто в эти дни посмеет сеять раздор или искать выгоды там, где надобно думать о земле.

Тишина ответила ему подавленной покорностью.

И тогда видун сел на место во главе стола, как тот, кто уже принял власть и не собирается её отдавать.

Двор терема гудел, потревожённым ульем. Дружинники собирались, перебрасывались короткими фразами, проверяли упряжь, ощупывали рукояти мечей. И сами не знали, чего ждать: набега ли, смуты ли, или просто приказа, который вернёт княжеству привычную твёрдость. Рядом, у конюшен, слышался стук копыт, ржание коней, окрики конюхов. Воздух пах конским потом, кожей сёдел и пылью, поднятой де-

сятками сапог.

Мстислав вышел на середину двора, стараясь держаться прямо. Лицо его было бледно, в движениях ещё сквозила та слабость, что после тяжелой хвори не сразу отпускает, но голос он старался держать твёрдым.

— Слушайте, братья по мечу! — крикнул он, и голос его прорезал гомон двора. — Ныне не время стоять без дела. Пока князь лежит без памяти, земля не должна остаться без щита. Приказываю: усилить дозоры на рубежах, проверить все тропы, что ведут к нашим границам. Пусть ни один след не останется незамеченным. А ещё — отправить гонцов к союзным князьям. Пусть знают, что мы стоим крепко, пусть не думают, будто нынче время ударить нам в спину.

Дружинники переглянулись. Сквозило в их глазах не недоверие, а растерянность. Привыкли они слышать приказы от князя, а не от княжича, да ещё и недавно хворавшего.

Мстислав почувствовал эту неуверенность. Он хотел добавить ещё что-то, сказать так, чтобы слова легли на сердца, как надёжный щит, да не успел.

Со стороны терема раздался тяжёлый, размеренный шаг. Видун шёл через двор, не торопясь. За ним следовали верные стражники.

Остановился видун там, где свет падал ровно, не скрывая ни его лица, ни его власти.

— Довольно, — молвил он тихо, но так, что все голоса во дворе разом стихли. — Не время юнцу раздавать приказы,

коих он не в силах исполнить.

Мстислав побледнел ещё сильнее. Стиснул кулаки так, что костяшки побелели, но сдержался. Не бросился вперёд, не схватился за меч. Знал он, что открытое противостояние погубит сейчас его вернее любого клинка.

— Я действую от имени рода княжеского, — глухо ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Пока князь не встанет, я обязан держать щит над землями.

Видун усмехнулся едва заметно, но усмешка эта была холоднее зимнего ветра.

— Юнец не справится, — бросил он, и слова его ударили точно в цель, потому что в них прозвучало то, о чём многие втайне думали, да не решались сказать. — Да ещё и под влиянием ведьмы! Разве не видите, как тень легла на дом княжеский? Сперва хворь на князя, потом речи странные, потом приказы, кои никто не смел бы отдать при здоровом князе.

По рядам дружинников прошёл тихий шёпот.

Мстислав почувствовал, как земля уходит из-под ног. Хотел он возразить, хотел крикнуть, что ложь это, что он верен роду и земле, но слова застряли в горле.

Видун шагнул вперёд, и стражники вокруг него чуть сдвинулись, образуя незримую стену.

— Отныне все приказы будут идти через меня, — молвил он. — Я помню княжескую волю лучше любого юнца. Князь не велел бы ослаблять стражу ради пустых гонцов. Князь велел бы держать крепость и ждать, пока не станет ясно, откуда

ударит беда.

Он обвёл взглядом двор, и каждый, на кого падал этот взгляд, невольно опускал глаза.

— А тебе, княжич, — продолжил видун, обращаясь к Мстиславу, но так, чтобы слышали все, — надлежит беречь силы. Твоя хворь ещё не отступила, и земля не нуждается в слабом щите. Пусть иные держат мечи, пока ты набираешься сил.

Бояре, стоявшие у крыльца, переглянулись и почти незаметно кивнули. Им не нужна была смута; не хотелось им вставать меж двух огней, когда чаша весов уже склонилась. И теперь они охотно приняли эту правду: Мстислав слаб, ему надобно время, а пока пусть правит тот, чья рука не дрожит.

Один из старших бояр подошёл к Мстиславу:

— Не гневайся, княжич. Ныне не время для споров. Пусть видун примет на себя тяжесть приказов. А ты побереги себя. Род княжеский дороже одного дня.

Мстислав сжал кулаки. Под кожей натянулись жилы. Внутри всё горело, но он не дал огню вырваться наружу. Знал, что стоит сейчас бросить вызов, и его объявят мятежником. Под ударом окажется не только его жизнь, но и судьба всего рода.

Он медленно опустил руки и отступил на шаг.

— Пусть будет так, — молвил он глухо, признавая силы, которую пока не мог одолеть.

Видун приосанился. Его едва заметная улыбка стала чуть

шире.

Дружинники расходились, переговариваясь вполголоса. Приказы Мстислава рассыпались, словно их и не было. Вместо них рождались новые распоряжения, чёткие, холодные, идущие от видуна. Стража у ворот удвоилась, дозоры получили новые указания, гонцы остались без поручений.

А Мстислав стоял посреди опустевшего двора. Тишина давила тяжелее крика. Он смотрел, как видун уходит, окружённый своими людьми, и понимал: битва только началась, но первый удар он пропустил. Теперь придётся искать иной путь, чтобы вернуть себе право держать щит над родной землёй.

Коридор возле княжеских покоев тонул в полумраке. Редкие факелы чадили, роняя на каменные плиты тяжёлые капли смолы. Пламя металось, силясь удержать свет, и от этого тени на стенах цеплялись за выступы камня. Тишина здесь стояла особая, впитавшая в себя шёпоты и шаги многих дней. Лишь изредка нарушали её мерные шаги стражи.

Синеока шла вдоль стены, почти сливаясь с тенями. Она не собиралась входить в покои князя, ибо знала, что стоит ей переступить порог, и любой, кто увидит, тут же поднимет крик, будто она сама и есть та беда, что настигла князя. Но нужно было ей почувствовать, что творится за этими дверями, уловить колдовские нити, что сковали огонь жизни князя.

Остановившись у поворота, где коридор делал изгиб и подходил ближе к дверям, Синеока всмотрелась. И тогда она увидела её. Тонкая тёмная нить колдовства тянулась из-за тяжёлых дубовых дверей. Нить скользила по полу, цеплялась за стыки камней, тянулась у ног и растворялась в тенях.

На миг сердце Синеоки забилось чаще. Горькое удовлетворение обожгло грудь. Она увидела то, чего не видели другие. Значит, болезнь князя — не случайность, не кара светлых богов и не поветрие, что пришло с ведьмами. Её навели намеренно. Если она сумеет проследить эту нить до истока, найдёт, где прячется начало, то сможет доказать свою невиновность и спасти князя.

Но следом за этой надеждой пришёл холод. Настоящий, пробирающий до костей. Синеока вдруг ясно увидела, как всё обернётся, если она не успеет. Видун уже назвал её виновной, и для него любое её движение было доказательством вины. Если князь угаснет, а она так и не найдёт источник, её схватят, объявят ведьмой, что наслала мор на род княжеский, и казнят наравне с другими, кого уже свезли на суд. И никто не станет слушать её слов. Для бояр и простого люда вина будет очевидна: ведьма стояла подле князя во дворе терема.

Синеока поняла, что времени у неё мало. Очень мало.

В чулане терема, где редко ступала нога человеческая, притаился укромный уголок. Сюда почти не доходил свет из

узких окошек, и воздух тут стоял густой, пахнувший сеном, пылью да старой древесиной. Балки под крышей тихонько поскрипывали от ветра, перешёптываясь между собой.

Синеока скользнула в эту тихую глушь, где никто не станет её искать, и прислонилась спиной к шершавой стене. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в голове крутились обрывки мыслей.

И тут из полумрака бесшумно выступила чёрная кошка. Не простой зверь, а одно из созданий тьмы, что ведало то, чего не дано видеть людям. Глаза её горели, а шкура казалась бархатной тьмой.

Кошка подошла неспешно и остановилась у ног Синеоки. Потом мягко прыгнула на невысокую лавку, села и уставилась на княжну с терпеливым ожиданием, точно знала, что Синеока сейчас особенно нуждается в правде, какой бы горькой та ни была.

— Ты пришла не просто так, — тихо промолвила Синеока, опускаясь рядом и протягивая руку. Пальцы её коснулись гладкой, прохладной шерсти.

— Жрецы тьмы, — сказала кошка, и слово это прозвучало в тишине, ударом хлыста. — Видун держит их в чердачной комнате. Не просто так. Не из милости и не из страха.

Кошка чуть прищурилась.

— Он хочет занять место князя, — прошептала Синеока, и от этой мысли по спине пробежал холод. — А жрецы нужны ему для тёмных ритуалов, чтобы закрепить власть. Бо-

лезнь князя... это их деяние.

Кошка мягко ткнулась носом в ладонь Синеоки и замерла, прислушиваясь к тишине.

— Спасибо, — поблагодарила Синеока.

Небольшой сад за теремом был укрыт от чужих глаз невысокой оградой. Лишь ветер здесь шелестел листвой.

Синеока отыскивала Мстислава у старого, покрытого мхом колодца. Он стоял, опершись на каменную кладку, и смотрел куда-то вдаль. Лицо его было бледным, а на висках проступали тонкие жилы.

— Мстислав, — позвала Синеока, останавливаясь в нескольких шагах.

Княжич обернулся, и в его взгляде мелькнуло облегчение.

— Я видела нить колдовства, — сказала Синеока. — Она тянется из покоев князя, тонкая, как паутинка, да только крепкая. И ведёт она в чердачную комнату. Там жрецы тьмы. Их позвал видун, чтобы ослабить княжеский род.

Мстислав слушал, не перебивая.

Когда Синеока закончила, он долго молчал.

— Я догадывался, — проговорил Мстислав. — Не знал, как глубоко всё зашло, не ведал про нить и жрецов, но чувал, что видун не просто советник. Давно он ждал, когда князь ослабнет.

Он помолчал, сжал и разжал пальцы, как будто хотел схватиться за рукоять меча, да только меча рядом не было.

— У меня не было доказательств, — добавил он. — Одни догадки да предчувствия. А против его власти и речей, что звучат, как княжеский указ, догадки — что сухая солома против пламени.

— Теперь доказательства есть, — сказала Синеока. — Я видела. Но действовать надобно осторожно. Если видун поймёт, что мы знаем про его замыслы, он ударит без промедления.

Мстислав кивнул, будто именно этого и ждал.

— Ты будешь следить за жрецами, — предложил он. — Твоя кошка сможет пробраться туда, куда человеку не пройти незамеченным. Пусть она увидит, что творится на чердаке, какие обряды готовят, к чему видун стремится. А я... я буду следить за ним самим. За каждым его шагом, за каждым приказом, за тем, к кому он ходит и кого зовёт к себе. Если он задумал ритуал, чтобы власть закрепить, я узнаю, когда он соберётся его творить.

— Времени мало, — сказала Синеока, глядя прямо на Мстислава. — Если ритуал свершится, князю не выжить. А что станется с княжеством, когда на троне окажется видун с силой тьмы за спиной?

— Будем осторожны, — молвил Мстислав. — Не станем бросаться вперёд, как в битву с открытыми щитами. Пойдём в тени, пока тени нам служат.

Чердачная комната терема была тесна и душна. Пахло сы-

ростью, вьевшейся в балки, и горькой гарью, что цеплялась за одежду и волосы, не желая отпускать. В углах клубилась тень. Не просто отсутствие света, а живая, шевелящаяся, сотканная из чужих страхов и старых клятв. Стоило только замереть на миг, и эта тьма тянулась вперёд, обхватывала холодными пальцами, нашептывала забытые имена.

Чёрная кошка скользнула бесшумно. Ни одна половица не скрипнула под её лапами, ни одна паутина не задержала шаг. Двигалась она так, как умеют лишь создания тьмы.

В дальнем углу, где крыша опускалась низко и почти касалась пола, кошка замерла. Там, на голых досках, виднелись следы недавнего ритуала. Обгоревшие свечи лежали рядом, сломанные кости были разложены в строгом порядке, чёрные огарки оплыли, застыли причудливыми наростами.

Рядом валялись обрывки ткани с тёмными узорами. Тяжёлые, плотные, пропитанные чем-то едким, от чего воздух здесь казался гуще и тяжелее. На двух покосившихся столах вповалку лежали древние колдовские книги. Кожа переплётов потрескалась, углы страниц потемнели от прикосновений, а на полях виднелись торопливые, злые пометки, сделанные нетвёрдой рукой, как будто писавший боялся, что его прервут. Свитки лежали тут же, туго скрученные и перевязанные чёрными шнурками. Они хранил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.